

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Юбилей у Папы Шульца

Райнгольд Шульцу исполнилось 60. В дни юбилея можно вспомнить многое. И он вспоминает, и пишет, и щедро делится своими размышлениями с нами.

Райнгольд и я знаю около десяти лет: веселчак, балагур, душа компании, замечательный рассказчик анекдотов. Его выступления всегда вызывают громкий смех и шквал аплодисментов. Обычно мы встречаемся с ним на семинарах Литературного общества немцев из России, а в 2003 году вместе побывали на южной ярмарке во Франкфурте-на-Майне. Каждый из нас подходил к тем книгам, которые особенно любимы. Меня было трудно оторвать от стенов детских издательств. А Райнгольда интересовало почти всем, потому что это Райнгольд. Отыскать его след на огромном выставочном пространстве было делом совершенно безнадежным. Наконец я увидела его у казахстанского стенда. Увидев меня, он стал возбужденно рассказывать, что вот только сейчас, здесь, один из читателей принял его, Райнгольда, за известного сатирика, сценариста и сатирика Аркадия Инина и очень просил поставить автограф в книге Инина. Может, именно с этого момента и началась отсчет творческой биографии российско-немецкого сатирика Райнгольда Шульца, помогающего своим соплеменникам с юмором, смехом и шуткой преодолевать невзгоды в непривычных условиях жизни. С тех пор он издал четыре книги и теперь уже сам раздает автографы направо и налево. Райнгольд принял участие более чем в двухстах чтениях, на его счету выступления на радио и телевидении. Порой кажется, что он вездесущ.

Конечно, если подходить к творчеству Райнгольда Шульца с самыми высокими мерками, то всегда найдется что-то, в чем его можно будет упрекнуть. Впрочем, как и любого из пишущих. Но что в нем особенно подкупает: он не боится показаться смешным ни в своих произведениях, ни в жизни и потому предстает перед нами таким, какой есть, без прикрас. Такой он и в интервью, которое мы предлагаем вашему вниманию.

— Райнгольд, когда Вы начали писать и что явилось толчком к этой работе?

— В России писал по принуждению для стенгазеты, не считая пары разрозненных писем в республиканскую газету. Времени не было. В Германии времени много, а общения недостаточно. Одижды возмущался и написал рассказ «Черные марки», отправил в крупнейшую русскоязычную газету в Германии, «Контакт», — напечатали. И пошло, и поехало. На сегодня у меня более 700 публикаций.

— Что Вас привлекает в писательском труде и как Вам жиеется в Германии?

— Мне нравится мое тихое занятие, хотя, конечно, оно не кормит. Несмотря на то что многим моя писанина по душе, денег за нее мне пока никто не платит. А на хлеб я зарабатываю тяжелым физическим трудом. После работы, если остаются силы, пишу. Конечно, это тяжело и не совсем нормально, можно было бы написать намного больше. Остался бы Пушкин столь богатое литературное наследие, если бы стоял по восемь часов у конвейера? Но

Райнгольд (справа) всегда в гуще событий

мы, немцы из России, как видите, творим не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Эстафету трудной жизни мы перенили от предков и не ропщем, а просто много работаем, находя в этом свою прелесть.

— Чем в плане творчества был для Вас примечателен предъюбилейный год?

— Конечно, самое яркое его событие — поездка в Москву. Я стал лауреатом международного конкурса «Золотое перо Руси-2008» с произведением «Чья душа во мне?». На вручение призов меня пригласили в Москву, в Центральный дом литераторов. Авторы из Германии — Владимир Энисер и я — выступали в Московском госуниверситете имени Ломоносова, в Государственном астрономическом институте им. П.К. Штейнберга.

— Расскажите о своих родителях.
— Чем старше я становлюсь, тем боль-

ше мне не хватает родителей, которые остались лежать в русской земле. Отец умер, когда мне было 14 лет. Мать — когда я вернулся из армии. Моех детей они не видели, и у моих девок, как и у меня, не было бабушек и дедушек. Я очень любил и люблю своих предков, у них была невероятно трудная судьба, о которой я написал в книге «Перелетные птицы».

— Когда Вы эмигрировали из СССР. Как обжизнились на новой земле?

— На мой взгляд, мы не эмигрировали, а вернулись в родное отечество. В 1990 году я с семьей на своих «Жигулях» с прицепом, в котором были запасные канистры с бензином, за неделю добрался до Фриланда, проехав 5,811 км. Слово «интерграция» мне непонятно. Мы не хотим раствориться, став серой массой, каждый человек — вселенная. Мы нормально общались с местными, совершенствовали язык, нам попадались изумительные немцы, например, семья Апрель. Они возили нас на своей машине по магазинам, приглашали в гости и сами приходили к нам, помогли найти квартиру, занимали деньги, переживали за нас, как за родных. Мы плакали от благодарности. Хотя попадались и плуты, и злоки — как среди местных, так и среди наших. Я вообще, все были люди как люди. Это как в мультике про сноика: «С палкой к лужичке придишь и врага себе найдешь, а с улыбочкой — друга».

— Склонность к сочинительству помогла интеграции?
— Сочинительство — это спасательный круг от депрессии. Когда я остался один, с головой ушел в чистописание, как ныряльщик. Как видите, всплыл.

— Как устроилось в Германии молодое поколение, Ваши дочери?

— Старшая, Татьяна, получила хорошую специальность, вышла замуж, они с мужем построили дом, воспитывают двоих моих внуков. У нее замечательные сыновья Христиан и Кай. Ее муж Александр Мартин — земляк из соседнего нам по Союзу поселка. В Ком АССР он держал первое место по штанге, на чемпионате РСФСР занял второе место, и в ФРГ за добросовестный труд фирма «Ферро» наградила его золотой медалью. Оказалось, что я и Эдмунд, его отец, в России работали на одном предприятии. Вторая дочь, Эллина, получила высшее образование, работает в христианском издательстве во Франкфурте-на-Майне. Собирается создать семью с хорошим местным парнем Патрикком.

— Довольны ли Вы тем, чего добились?

— Мне 60, но в душе я, как молодой человек. Хотя по сравнению с Абрамовичем (мы оба из одного города — Сыктывкара) живу более чем скромно. Главное, что сплю я хорошо и спокойно и научился быть довольным тем, что имею. Счастье — это когда не надо врать, что тебе хорошо.

Надежда РУНДЕ